

УДК 001+14+397

А. В. Шалаева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

**ИСТОКИ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПОИСКОВ:
ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ И СИМВОЛИКИ**

Расцвет эпохи романтизма в Германии ознаменовался возникновением различных научных программ, основанных, в частности, на материале древнейшей символики; одной из таких программ было антиковедение (древняя мифология). Новые научные программы возникали в разных академических и университетских сообществах. Основания разграничения программ можно обнаружить не только и не столько в образовательной специфике дисциплин, но и в большей мере в логике дифференциации знания. Основания утверждения мифологии в качестве дисциплины могут быть обнаружены в академических поисках истоков и вариантов статуса нации в древних мифологиях через анализ языка и истории. Романтические ученые рассматривали этот процесс не в телеологической перспективе, но исторически, в его проявлениях на первых этапах развития, когда возможно было развитие многих сценариев. Мифология оказалась на пересечении этих академических претензий.

В исследовании показано, что в начале XIX в. мифология рассматривалась и как предмет исследования, и как дисциплина. В статье излагаются ее истоки и специфика научной работы, позволившая ученым обозначить дисциплинарную определенность мифологии. Мифологию следовало рассматривать как академическое изучение корпуса мифов и символов.

Ключевые слова: мифология как дисциплина, символика, немецкий романтизм, Георг Фридрих Крейцер, мифологическое мышление.

A. V. Shalaeva

National Research University Higher School of Economics

**THE RISE OF ACADEMIC SEARCH:
MYTHOLOGY AND SYMBOLISM**

During the rise of Romanticism in Germany it was possible to work out and comprehend different scientific programs based on ancient symbolic material, one of which was ancient mythology. These programs appeared in different academic and university groups. The borders of these approaches lay not only in the educational and curricular specification but in the logic of knowledge differentiation mostly. The significance of the formation of mythology as a discipline may be found in the academic search for nationhood, through language and history as ancient mythologies. Romantic scientists analysed this process not from a teleological perspective but historically, in terms of its appearance at the first stages of its development, when many potential scripts were possible. Mythology appeared at the crossing of these claims.

The research demonstrates that at the beginning of the 19th century mythology was considered as a subject of research and a discipline in its own right. The study observes its origins, and an understanding of scientific work which enabled scholars to consider mythology as a discipline. That means that mythology became the academic study of the body of myths and symbols.

Key words: mythology as a discipline, symbolism, German Romanticism, Georg Friedrich Creuzer, mythological thinking.

Данное научное исследование (№ проекта 14-01-0170) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

Введение. Рубеж XVIII–XIX вв. представляет собой переломный момент в истории знания о мифе. Именно в этот период происходит ряд перемен, способствовавших формированию нового взгляда на мифологию. Классическая мифология заимствует экзегетический и герменевтический методы у богословия и библейской критики. Мифология как корпус текстов рассматривается в качестве предпосылки рели-

гии, наряду со Священным Писанием, религиозными понятиями о Боге (монотеизме) и истории богов (политеизме). Изучение мифологии на фоне археологической революции связывается с поисками начала истории, первого народа и первого языка.

На стыке различных дисциплин (философии, классической филологии, истории) разворачиваются дискуссии вокруг античных источников,

а затем и наследия Древнего Востока. Они оказывают существенное влияние на формирование новых взаимоотношений между указанными дисциплинами. Именно в контексте романтической мысли становится возможным не просто изучать античную мифологию, но, расширив осмысление и интерпретацию мифов за пределы античного мира (в Египет, Индию, Персию), поставить вопрос о новом значении древней истории и мифологии.

В рамках системы спекулятивного идеализма Шеллинга, находящейся в русле романтического движения, начинает утверждаться идея создания новой мифологии на основании открытия в мифе его собственной истины. Истина мифа – не теологическая, не научная, не эстетическая, но истина самого мифа, раскрывающаяся в естественном процессе развития сознания, в мифологии как процессе природы. Эта идея проникает в работы последователей романтиков, возделывавших различные дисциплинарные поля. На этих пространствах идея мифа приобретает новые значения.

Образ проблемы мифологии как дисциплины в первом приближении сложился в результате размышления над современным нам состоянием осмысления и производства мифа. Мифы считаются продуктом индивидуальной воли автора и творца; развенчанные мифы оказываются культами, созданными, почти по Евгемеру, в результате обожествления великих деяниями и заслугами людей. Силы романтического гения переполняют его и претендуют на соединение несоединимого: беспредельного и определенного – пытаются воплотить подлинную, единственную истину. Именно это стремление содержалось в истолковании Георгом Фридрихом Крейцером символики и мифологии, что с уважением отмечал Шеллинг во «Введении в философию мифологии» [1, s. 253–269].

Основная часть. *Позиция представителя романтической науки – Г. Ф. Крейцера.* Дифференциация дисциплин, их предметов и методов, происходившая в XIX–XX вв., вступала в конфликт с основной интенцией романтических проектов науки. Последние стремились соединить в синтезе методы различных дисциплин, создать единое знание о едином предмете. Позиция представителя романтической науки Георга Фридриха Крейцера (1771–1858), пытавшегося усмотреть сущность, идею символа и мифа, в контексте этого академического конфликта нам особенно интересна.

«Символика и мифология древних народов, в особенности греков» (1810–1812) [2, 3, 4] Крейцера – это работа филолога, переосмысляющего статус мифологии на основании новых философских, исторических и теологиче-

ских идей и нового исследовательского материала. Цель этой работы состоит в построении новой методологии исследования символики и мифологии древних народов.

Теория символа была для Фридриха Крейцера исходным пунктом в работе над символической и мифологией древних народов. Символ, как выражение непосредственного опыта естественного окружения древнего человека, объединял в себе как чувственное восприятие, так и мышление. Символ дается в «моментальной краткости», миф, напротив, сродни аллегории и представляет собой разветвленную сеть повествования, последовательность и систему историй. Символ стремится объединить бесконечное и конечное, он неопределен и краток, может превышать форму и ей повиноваться [5].

Миф выступает у Крейцера то как поэтическое, то как первоначально истинное. Исходя из такой интерпретации, не ясно, что такое миф как таковой. Для Крейцера нет мифа, содержащего истину, всю полноту в себе содержит символ. Логос – изначально членящая, разграничивающая операция. Сначала миф означал какое-то вообще выражение внутреннего, овнешнение.

Миф содержит в своем понятии зазор выражаемого и выражения, в символе этого нет. Это различие усиливается до различия истинного и вымышленного. Миф, логос демонстрируют движение рассоединения, разбегания, а символ – собирания множества к единству. Крейцеру требовался эпитет, на роль которого подошли вымышленные мифы, после которых «миф» все больше стали использовать для обозначения вымышленного.

Говоря о времени господства символического, незнакомства с разделением телесного и духовного, привычке различать повсюду живое, Фридрих Крейцер обнаруживает свое знакомство с философией тождества Шеллинга. Последняя содержит идеи об отношении идеального и реального в природе в противоборстве конечного и бесконечного. Та изначальная необходимость, согласно которой древний человек воспринимает мир антропоморфически, – это абсолютная необходимость, Шеллинг называет ее абсолютной связью (*das absolute Band*). В этом заключается онтологическое основание естественного для человека антропоморфизма.

В поисках выражения бесконечного содержания символа в неизбежно конечной форме душа ввергается в противоречие, отсюда она стремится прорваться к ясности. Эта конструкция напрямую соответствует стремлению души из тенеподобного мира явлений к области умопостигаемого в «мифе о пещере» Платона.

Идея Крейцера о том, что образное выражение является разрешением противоречия между

бесконечным и конечным, у Шеллинга может быть выражена следующим образом. Он исходит из изначального раздвоения в сознании сознательного и бессознательного. Действием, в котором сознательное и бессознательное совпадают, прекращается внутренняя борьба в сознании, устраняется всякое противоречие. Вместе с завершением создания продукта гениальности, произведения искусства устраняется, замирает всякое стремление производить, противоречия сняты, загадки решены. Вместе с завершением продукта устраняется всякое явление свободы. Интеллигенция поражена и осчастливлена этим соединением.

Этот продукт и есть произведение искусства, произведение гения. Чувство художественного творчества исходит из чувства неразрешимого по своей видимости противоречия. Крейцер, описывая формирование символа, как раз и говорит о выражении, образе, о поэте, о художественной критике или знатоке искусств.

Вся ответственность в деле выражения бесконечного в конечном перелagается на душу, но оказывается совершенно непонятно, что такое душа. Крейцер пытается смоделировать, что происходит, когда осуществляется выражение. Сначала он говорит о тропических выражениях: это принадлежит к природе образа; образ – это граница между отображаемым и отображением, он не тождественен тому, что он изображает, но связан с ним через душу.

Всякий образ – отображение, он онтологически связан с отображаемым. Вспомним главу об онтологической валентности образа из «Истины и метода» Гадамера [6, с. 181–190]: образ онтологически валентен, не замкнут внутри себя, у него есть пустая связь, которая отсылает к иному бытию, образом которого она является.

Конечно, идея создания такой трехчастной конструкции исходит из того, что образы создаются, производятся, воображаются, должны быть носитель этих образов: это и есть душа. Онтологический статус души не прояснен, он вызывает вопрос как нечто третье, имеющее целью связать два противоположных мира умопостигаемого и материального, и в этом он утрачивает собственную определенность.

Символ по Крейцеру одновременно и солнцеподобен, и замутнен медиумом: он и ясен, и тенеподобен. В теории цвета Гете из опосредования света и тьмы мутной средой рождается множество цветов: свет не механически разлагается на части, свет состоит из цветов. Гете считал, что цвета – метаморфозы света, различные замутнения, а цвет – нечто среднее между светом и тьмой.

Изначально мы получаем крайности из среднего, а поскольку, переходя к идее Крейцера,

дана нам как раз душа как деятельная связь (*tätiger band*) идеального и реального, – через нее мы и обретаем бесконечное и конечное. Нет идеального и реального как сущностей, которые должны встретиться: они – крайние термины, крайние стороны, которые всегда уже в душе, она к обеим имеет причастность, а они только через душу нам и даны, причем и то, и другое – косвенно.

В символе есть некоторое понятийное содержание, но как только мы хотим его схватить, оно ускользает. Это соответствует кантовскому определению искусства как целесообразного без цели, мы видим в нем причинность понятия, но что это за понятие, мы не знаем, оно ускользает именно тогда, когда мы хотим его уловить. Этой идее сродни и шеллинговская концепция интеллектуального созерцания (в «Философских письмах о догматизме и критицизме» 1795 г. [7]): его нельзя иметь, оно просто есть, когда мы не хотим его иметь; а как только мы направляем на него созерцание, – оно сразу убегает.

Искусство – это интеллектуальное созерцание, ставшее объективным, а что такое интеллектуальное созерцание мы узнаем в художественном творчестве. Интеллектуальное созерцание, искусство и символ описываются одной и той же конструкцией. Древнейшее время – это особенное время, когда всякое действие было творческим, это время творческого энтузиазма. То, что делает Крейцер, – это прямое продолжение того, что делали неоплатоники, первые теории символа он обнаруживает именно у них.

Относительно романтических проектов науки вообще можно отметить, что они имеют своей целью соединить в синтезе методы различных дисциплин, создать единое знание о едином предмете. Однако это их стремление во второй половине XIX в. разбивается о волны тенденции современной им науки к разделению и дифференциации предметов и методов. Романтическое стремление к целостности и связности предмета знания и самого знания проявляется у Крейцера в слиянии, иногда до неразличимости, исторической, филологической и философской аргументации.

Учение «Символики...». Хотя «Символика и мифология древних народов» Крейцера практически не известна сегодня, в свое время она оказывала значительное влияние на становление изучения мифологии. Фридрих Шлегель утверждал, что Крейцер «открыл» науку о мифе, или, точнее, благодаря своему пылливому уму вернул ей ее былое достоинство. Крейцер за поколение до Бахофена представляет свое исследование древней религии, открывая

темную сторону Древней Греции, истоки оргий и культов он искал на Востоке.

Необходимо отметить, что в Германии начала XIX в. понятие Востока включало Египет, Османскую Империю, Персию и Индию; еще до разнообразных колониальных исследований именно неопределенность понятия «Восток» и делала его столь пугающим и одновременно привлекательным для европейских интеллектуалов этого периода. Хотя Крейцер и указывал на связь между Грецией и Египтом, он отталкивался от представлений своих предшественников XVIII в., выведивших исток древней религии из Индии. Для Крейцера Восток представлялся родиной первого религиозного чувства, альтернативой классической западной традиции эстетики, рациональности и морали (см. изложенные выше воззрения Крейцера на символ как первый способ выражения верований, в противоположность языку).

Укорененное как в археологии, так и в идеалистической философии понятие символа Крейцера окончательно сформировало лекции Гегеля по эстетике, а его интерпретация дионисийских и элевзинских мистерий выступила основанием для поздней идеи философии мифологии Шеллинга. Густав Флобер читал французский перевод [8] этого сочинения Крейцера, когда работал над «Искушением святого Антония» (*La Tentation de saint Antoine*, 1849). Карл Юнг прочел всю «Символику...», когда работал над «Метаморфозами и символами либидо» (*Wandlungen und Symbole der Libido*, 1912) [9, s. 108]. Действительно, влияние «Символики...» распространилось и на XX в., выступив сильной и противоречивой альтернативой неогуманистическому образу античности [10, p. 122].

Как и романтики, Крейцер понимал идеалистическую философию (немецкий идеализм) как учение эзотерическое, доступное лишь избранным (предположительно в это число он

включал и себя) [11, s. 67–68]. Его особенным интересом пользовались также исследования греческого искусства и литературы Августа и Фридриха Шлегелей, книги древнегреческих историков Геродота и Фукидида.

Основания своего понимания классической филологии как дисциплины Крейцер заложил в 1805 г. [12]. Он утверждал, что в основании филологии должно лежать тождество реального и идеального миров (см. выше его более поздние мысли о символе). Опираясь на представления Шеллинга в «Философии и религии» о греческих мистериях, Крейцер указывал на то, что эзотерическое руководство по историческому миру филологии должно предшествовать эзотерическому руководству к философскому Абсолюту. Средства для такого эзотерического руководства лежат в сфере мифа.

Хотя учеными Просвещения миф был определен как язык «детства человечества» или даже эпохи варварства, еще Сократ и Платон признали пользу символов и аллегорий при введении учеников в мир высших философских истин. В представлении Крейцера филология должна служить проводником к загадочной и прекрасной (идеалистической) философии. На этом этапе, предполагал он, ученик испытает то же религиозное переживание, сопряженное с потерей индивидуальности, какое было следствием греческой поэзии.

Заключение. Георг Фридрих Крейцер был одним из тех ученых, которые еще в начале XIX в. указывали на примат жреческого авторитета над дедуктивной логикой философии, или индуктивной логикой естествознания. «Символикой...» он стремился показать, как все моральное и политическое наставление человечества вырастает только и единственно из института жречества. Это указывает на утвердившееся много позднее движение к поиску нового баланса между искусством, наукой и религией.

Литература

1. Schelling F. W. J. *Sämmtliche Werke* [SW] / Bd. XI. Stuttgart – Augsburg: Cotta, 1856–1961.
2. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. 4 Bde. Leipzig; Darmstadt, 1810–1812.
3. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. 6 Bde. Leipzig; Darmstadt, 1819–1822.
4. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. 4 Bde. Leipzig; Darmstadt, 1837–1842.
5. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. 1 Bd. Leipzig; Darmstadt, 1810.
6. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод*. М., 1988.
7. Шеллинг Ф. В. Й. *Философские письма о догматизме и критицизме* // Ф. В. Й. Шеллинг Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1989.
8. Guigniaut J. D. *Religions de l'antiquité, considérées principalement dans leurs formes symboliques et mythologiques*. Paris. 1825.

9. Jamme Ch. Einführung in die Philosophie des Mythos. Bd. 2, Neuzeit und Gegenwart. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.

10. Williamson G. S. The Longing for Myth in Germany: Religion and Aesthetic Culture from Romanticism to Nietzsche. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

11. Creuzer to Savigny (Nov. 16, 1799) // Briefe Friedrich Creuzers an Savigny / Ed. H. Dahlmann. Berlin: Eric Schmidt Verlag, 1972.

12. Creuzer F. Das Studium des Alterthums, als Vorbereitung zur Philosophie. Studien. 1805. N. 1. S. 1–28.

References

1. Schelling F. W. J. Sämmtliche Werke [SW] / Bd. XI. Stuttgart – Augsburg, Cotta, 1856–1861.

2. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig, Darmstadt, 1810–1812.

3. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 6 Bde. Leipzig, Darmstadt, 1819–1822.

4. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig, Darmstadt, 1837–1842.

5. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 1 Bd. Leipzig; Darmstadt, 1810.

6. Gadamer H-G. Istina i metod. M. 1988 [Thuth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.

7. Schelling F. W. J. *Filosofskie pis'ma o dogmatizme i kriticizme. Sochineniya. V 2 t. T. 1* [Philosophical letters on dogmatism and criticism. Sochineniya. T. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, pp. 39–88.

8. Guigniaut J. D. Religions de l'antiquité, considérées principalement dans leurs formes symboliques et mythologiques. Paris, 1825.

9. Jamme Ch. Einführung in die Philosophie des Mythos. Bd. 2, Neuzeit und Gegenwart. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.

10. Williamson G. S. The Longing for Myth in Germany: Religion and Aesthetic Culture from Romanticism to Nietzsche. Chicago, University of Chicago Press, 2004.

11. Creuzer to Savigny (Nov. 16, 1799) // Briefe Friedrich Creuzers an Savigny / Ed. H. Dahlmann. Berlin: Eric Schmidt Verlag, 1972.

12. Creuzer F. Das Studium des Alterthums, als Vorbereitung zur Philosophie. Studien. 1805. N 1. S. 1–28.

Информация об авторе

Шалаева Анастасия Владимировна – преподаватель Школы философии Факультета гуманитарных наук; стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20). E-mail: anastasiashalaeva@gmail.com

Information about the author

Shalaeva Anastasia Vladimirovna – lecturer at the School of Philosophy, Faculty of Humanities; research intern at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI) National Research University Higher School of Economics (20, Miasnitskaya str., 101000, Moscow, Russia). E-mail: anastasiashalaeva@gmail.com

Поступила 19.03.2015